

Алёша Яблоков – мой друг студенческих лет

Ю.Ф. Богданов

Когда я стал студентом биологического факультета Московского университета, я был мало знаком с дикой природой, то есть был сугубо городским мальчиком. В сентябре 1951 года на первом курсе биофака меня сразу же взял под свою опеку опытный натуралист, однокурсник Алёша Яблоков. В старших классах школы он сначала был членом и даже председателем клуба юных биологов зоопарка (КЮБЗ), а затем вместе с руководителем этого клуба, знаменитым педагогом Петром Петровичем Смолиным организовал юношескую секцию натуралистов при Всесоюзном обществе охраны природы (ВООП). Алёша был хорошим лыжником, хорошим фотографом, хорошо знал подмосковную фауну. Во время школьных каникул он выезжал в разные заповедники. Перед поступлением на биофак он получил письменную благодарность за участие в исследовательской работе в Лапландском заповеднике на Кольском полуострове. Был также хорошим стрелком-охотником, умел печатать на пишущей машинке (что было большой редкостью даже для научных работников) и, имея юношеские автомобильные права, умел водить легковую машину своих родителей-геологов. У него было чему поучиться. Алёша взял надо мной серьёзное шефство. Он был хорошим наставником, который уже имел навыки обучения младших членов КЮБЗа и секции ВООПа и любил заниматься такой работой. Он мне был очень интересен и симпатичен. В общем, мы стали на многие годы большими друзьями. За две недели до его кончины я сказал ему, что в те молодые годы он для меня был фактически старшим братом.

В конце марта 1953 года, когда мы оба учились на втором курсе Университета, я получил очень серьёзную травму. На занятии в физкультурном зале из-за нелепо спланированного упражнения я сломал бедренную кость, самую крепкую кость в организме.

В университете в мае предстояла экзаменационная сессия, а после сессии, в июне-июле - романтическая летняя практика на Звенигородской биологической станции. Я лежал в госпитале на кровати со специальной металлической шиной под ногой. Мой перелом лечили с помощью «метода вытяжения». Груз весом 27 кг через систему блоков растягивал мышцы бедра до тех пор, пока обломанные концы костей не срастутся в правильном положении. Я был очень расстроен, так как без сдачи экзаменов до интересной летней практики никого не допускали. Алёша Яблоков спросил меня, действительно ли я хочу сдать сессию и готов ли я это сделать, лёжа в больнице. Он сказал, что берётся организовать приглашение преподавателей и сдачу экзаменов прямо в госпитале. Алёша получил разрешение в деканате, договорился с преподавателями и привозил их в госпиталь на родительской легковой машине либо организовывал доставку на такси. В результате я сдал экзамены и зачёты и на костылях приехал на вторую половину практики на биостанцию МГУ под Звенигородом, где преподаватели разрешили мне пройти всю практику в ускоренном режиме за три недели вместо шести положенных.

Алёша научил меня фотографировать. В те годы любительская фотография была непростым ремеслом. Мы сами составляли растворы для проявления негативных фотоплёнок и фотопечати. Держали дома набор фотореактивов, умели варьировать качество печати: мягкое качественное изображение для портретной съёмки, более контрастное для пейзажей и т.д. Варьировали оттенки печати на бумаге (например, «вирирование» в коричневый цвет и т.д.).

Алёша сделал меня любителем охоты. Для этого тоже требовались навыки этого ремесла. Мы сами снаряжали патроны, покупали для этого гильзы, капсюли, порох, пыжи, дробь разного размера, машинки для снаряжения патронов, удобную амуницию для охоты (патронташ, сумки для дичи и т.д.). Под руководством Алёши я научился охотиться на тетеревином току и позднее очень увлекался этим. Научился подманивать рябчиков, освоил и утиную охоту и вообще лет пятнадцать занимался дважды в год весенней и осенней охотой, научился понимать лес.

Алёша любил и умел делать всё быстро. Быстро писал, читал, быстро всё делал руками. После окончания Университета он был зачислен старшим лаборантом в лабораторию водных млекопитающих Института морфологии животных им. А.Н. Северцова. Заведовал лабораторией доктор биологических наук Сергей Евгеньевич Кляйненберг, симпатичный, добрый человек. Ему было 50 с небольшим лет. Через три года после окончания МГУ, осенью 1959 года, Алексей уже защитил кандидатскую диссертацию. Она была посвящена морфологии китов, которыми он с 1954 года занимался, выезжая в экспедиции на Дальний Восток. А я в то время ещё был аспирантом последнего года в Институте цитологии в Ленинграде, и до защиты моей кандидатской диссертации было ещё очень далеко. В том же году Алексей познакомился с Н.В. Тимофеевым-Ресовским. Тот предложил ему тему докторской диссертации, и Яблоков ровно через три года, в 1962 году, успешно защитил докторскую диссертацию.

После кончины Сергея Евгеньевича Кляйненберга заведовать лабораторией стал молодой доктор наук А.В. Яблоков. Эта лаборатория перешла в созданный академиком Б.Л. Астауровым Институт биологии развития. Алексей был членом КПСС, и его как энергичного человека тут же избрали секретарём (руководителем) партийной организации института. Алексей был активным сторонником так называемой «теории малых дел» в партии. Сторонники этой точки зрения настаивали, что все порядочные люди должны вступать в партию для того, чтобы руководство первичных партийных организаций было образованным и порядочным, чтобы этими организациями не руководили люди недалёкие, необразованные и непорядочные. Я много раз слышал об этой точке зрения и от своего тестя, Алексея Андреевича Ляпунова, который вступил в Коммунистическую партию на фронте, и от моего отца, который был тыловым военным хирургом, и от Сергея Петровича Капицы, которого хорошо знали все телезрители, и от многих других порядочных людей. Алексей Яблоков в роли секретаря парторганизации Института биологии развития, безусловно, делал полезные дела. В те годы климат в научных организациях зависел не только от директоров и Учёных советов, но и от партийных организаций. Алексей был энергичным и интенсивным общественным деятелем. Тихих и медлительных людей пугала быстрота его реакции и энергия, с которой он относился ко всем своим обязанностям, но «вредных» дел за ним не числилось. В конце 1960-х годов вместе с Н.В. Тимофеевым-Ресовским и Н.Н. Воронцовым Алексей написал и опубликовал книгу «Краткий очерк теории эволюции».

Алёша говорил мне, что умеет обрабатывать дерево на специальном токарном станке, который был у них с отцом на даче. В начале 90-х он купил дом в Рязанской области и своими руками выточил многочисленные балясины для внутренних перил в двухэтажном доме, полати и полочки и многое другое. Я специально подчёркиваю, что Алексей умел многие вещи делать своими руками, не был лишь кабинетным работником, владел нужными для людей ремёслами и, главное, умел делать это качественно.

В 1990-е годы и в первое десятилетие XX века мы с ним общались очень редко. Он был полностью погружён в природоохранную деятельность, был и государственным, и общественным деятелем по охране природы при Горбачёве, Ельцине и Путине и вообще известным человеком. А в Академии наук СССР и в Российской Академии наук – активным членом-корреспондентом, председателем ихтиологической комиссии АН СССР и РАН. В 1988-1991 годах был членом Верховного Совета СССР, затем советником президента России Б.Н. Ельцина по охране природы и т.д. А я в это время увлечённо занимался исследовательской работой и руководством лабораторией в Институте общей генетики им. Н.И. Вавилова, полюбил смотреть на хромосомы в микроскоп и перестал заниматься охотой.

День рождения Алёши, 3 октября, совпадал с днём рождения моего отца. Отец мой с 1958 по 1973 гг. жил и работал в Киеве, и я иногда ездил к нему в гости на день рождения. А в те годы, в которые не ездил, обязательно ходил на день рождения к Алёше и очень гордился тем, что входил в число трёх товарищей (вместе с двумя школьными), которых он ежегодно приглашал на

день рождения. Но в 1993 году вместо его дня рождения я уехал в Петербург. Туда вместе с университетским студенческим хором приехал профессор Ханс де Йонг из Нидерландов, с которым я за полгода до этого познакомился на генетическом конгрессе в Бирмингеме. У нас возникла мысль о совместной работе. В то трудное для науки безденежное время международное сотрудничество и иностранная помощь были особенно ценны. В этот юбилейный для Алёши День рождения произошли известные события – танки у Белого дома, а в Останкино – штурм телецентра. Позже Алёша рассказал мне, что прямо с дня рождения он с гостями отправился к Моссовету, где на митинге выступал Гайдар. Общественная деятельность, борьба за охрану природы, против свалок промышленных и военных отходов полностью захватили Алексея. Он создал общественный Центр экологической политики России, много контактировал с провинциальными отделениями этого центра, всегда был окружён активистами и вёл очень энергичный и эмоционально затратный образ жизни. А я старался финансово обеспечивать свою лабораторию, организовал два международных проекта с генетиками из Нидерландов и Испании, затем дружественное, но безденежное сотрудничество с британскими генетиками и, в общем, был озабочен сугубо научными и научно-организационными проблемами. Мы с Наташей регулярно получали от Алексея стандартные поздравления с Новым годом, напечатанные на машинке, с официальным обращением к нам по имени-отчеству, подписанные лично им, но в конвертах, надписанных его помощниками. В общем, общение с Алексеем Яблоковым становилось всё более формальным. Но как-то, кажется, в 2012 или 2013 году мы встретились с ним на автобусной остановке. Он шёл из академической поликлиники и стал рассказывать мне об ухудшении своего здоровья. Когда я сказал ему, что стараюсь работать интенсивнее, но получается очень медленно, он воскликнул: «О чём ты говоришь! Моя работоспособность снизилась в три раза».

Осенью 2013 года он пригласил меня на заседание, посвящённое его 80-летию, которое проходило в конференц-зале нового здания Президиума Академии наук (Ленинский проспект, 32а). Он попросил меня председательствовать на второй половине торжественного заседания, посвящённого юбилею. Конечно, я был польщён и согласился, но натерпелся рассуждений о политике, о конфронтации с правительством, которая у Алексея развивалась по линии охраны природы. А через три года я узнал, что Алексей очень серьёзно болен и лежит в клинике Института медицинской радиологии в Обнинске Калужской области, где он подвергался лучевой терапии. Я немедленно отправился туда. Дважды в сентябре 2016 года я посещал его в Обнинске, затем его перевели в больницу Управления делами Президента РФ в Лосином острове, затем в Кунцево, затем в Боткинскую и снова в Кунцевскую президентскую. Я регулярно приезжал к нему по каждому из этих адресов. Мы интенсивно беседовали. Я рассказывал ему о научных проблемах, которыми я занимался. Он признался, что всю глубинную науку, которой я занимался на клеточном уровне, он пропустил, занимаясь охраной живой природы на поверхности Земли. Говорил, что то, что я рассказываю ему, безусловно, интересно, но он не в силах в это вникать. В том году его кандидатуру выдвинули на соискание самой крупной европейской премии по охране природы. Эту премию ему присудили в ноябре того же года, и он большую её часть передал региональным активистам по защите природы. Во второй половине ноября 2016 года я по приглашению знакомых вместе с Наташей Ляпуновой уезжал на две недели на юг Израиля, в город Эйлат, купаться в Красном море и оттуда по электронной почте держал связь с Алексеем. Сообщил ему, что мы собираемся посетить пустынный заповедник, где охраняются древние копии царя Соломона. Алексей рекомендовал мне обязательно осмотреть эти копии. В конце декабря 2016 года он или Дильбар позвонили мне и сказали, что Алексей отпущен из больницы на неделю домой до Нового Года, но после обязательно должен туда вернуться. Я приехал в давно знакомую мне квартиру на улице Вавилова, увидел Алексея, лежащего на высокой раскладной кровати, которая была поставлена так, чтобы ему был виден весь коридор. Наверное, так легче было вызывать Дильбар или её сына Серёжу, если ему срочно понадобится помощь. Серёжу он очень

полюбил, они подружились, и тот очень помогал и матери, и отчиму. Я показал Алексею фотографии пустынного заповедника и входа в узкий лаз, ведущий вертикально вниз к подземным копиям медных рудников, носивших название «Копи царя Соломона». «А ты спустился вниз?» - спросил меня Алексей. Я сказал ему, что мне на моих эндопротезах даже трудно протиснуться туда. «Эх ты, не использовал такую возможность!» - сказал он в сердцах. Алексей очень плохо чувствовал себя, и долго разговаривать ему было трудно. Предстояло возвращаться в больницу. Вот тут-то, покидая его, я впервые сказал ему, что считал его своим старшим братом. Он искренне удивился, и на этом мы с ним расстались. 10 января Серёжа позвонил мне на номер моего мобильного телефона и сказал, что Алексей Владимирович Яблоков скончался в Кунцевской больнице. На похоронах присутствовало несколько наших однокурсников. Осенью 2018 года и 2023 года в Институте биологии развития РАН и в Дарвиновском музее прошли юбилейные конференции памяти члена-корреспондента РАН Алексея Владимировича Яблокова, в которых я принимал активное участие. В Дарвиновском музее я возобновил знакомство с его старшим братом Климом, который был геологом и в возрасте 90 с лишним лет вышел на пенсию. А Дильбар Кладо, вдова Алексея, рассказала мне много важного и интересного о последних годах жизни Алексея. Она, Сережа и Алексей Яблоков младший (внук Алеши) создали Фонд сохранения интеллектуального наследия – ЯблоковФонд. Сергей является исполнительным директором этого фонда, Дильбар – Председателем Президиума, а Алексей Яблоков – модератором ЯблоковСайта (yablokov.site).